

Н. Н. Казанский (Санкт-Петербург)

ПЕРЕВОДЯ С ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО КОЙНЕ НА МЕСТНЫЙ ГОВОР

В истории древнегреческого языка важны ареальные особенности, отражающие в динамике исторического развития социолингвистическую ситуацию в отдельных регионах. Уже самые первые алфавитные надписи VIII в. до н. э. обнаруживают разнообразие диалектов, число которых для V в. до н. э. могло достигать девяноста (Тронский 1973: 9). Помимо территориальных языковых особенностей, представленных в надписях, отражающих один из диалектов в его живом (в том числе бюрократическом) бытовании, диалекты были способны указывать на принадлежность к определенной литературной традиции и определенному жанру словесности.

Благодаря этому в древней Греции наблюдается довольно сложное соотношение между диалектами, причем выбор литературного диалекта в эпоху Архаики в первую очередь зависит от поэтического жанра. Для древнегреческой поэзии такая связь жанра с выбором диалекта видна особенно отчетливо. Ионийский диалект использовался для эпоса и для произведений, относящихся к элегической поэзии, эолийский диалект — для лирической поэзии, известной нам благодаря стихотворениям Алкея и Сапфо (Лесбос), дорийский диалект не был родным ни для одного из поэтов, на нем писавших. О дорийском диалекте приходится говорить как о некоторой условности, поскольку в рукописях, сохранивших чаще фрагменты текста, чем тексты полностью, диалектные особенности при переписывании рискуют исчезнуть в первую очередь. Чтобы не быть голословным, приведу сохраненный Афинеем (Athen. XV 680) фрагмент поэзии Алкмана (PMG 60):

καὶ τὴν εὐχόμεναι φέροισα
 τόνδ' ἐλίχρυσω πλεῶνα
 κήρατῶ κυλαίρω.

«Я несу тебе с молитвой
 тот венок из золотцветов
 вместе с кипером прелестным» (пер. Н. К. —
 Мелика 1988: 88).

Рукописи дают написание κύλευρον, но уже Казавбон восстанавливал форму κύλαϊρον как лаконское соответствие общегреческому κύλευρον. Реконструкция Казавбона получила подтверждение в текстах линейного письма В, где слово представлено в двух формах: ku-ra-ro KN Ga 517+ и ku-ra-ro₂ PY UN 267+ ‘осоковое растение’ (Казанскене, Казанский 1986: 69). Тем самым обнаружилось, что использованный Алкманом диалектный вариант слова κύλευρον мог сохранить форму, распространенную во II тыс. до н. э. Произведения хоровой лирики, известные нам благодаря творчеству Алкмана, Стесихора, Ивика, Пиндара и Вакхилида сохраняют языковые особенности «дорийской» поэзии вне зависимости от места создания. Так, они отражены даже в аттической драме, поскольку хоровые части трагедии во многом следуют в языковом плане традициям хоровой лирики.

Этими общеизвестными фактами данные о диалектном разнообразии древнегреческих жанров не ограничиваются, поскольку имеются также стихотворные тексты на других диалектах, например, записанное слоговым письмом посвящение божеству на кипрском диалекте (ICS 264; Egetmeyer 2010: II, 611–612; Egetmeyer 1997–1998). Фрагменты Коринны свидетельствуют о том, что диалектная литература существовала и в Беотии. Следует специально отметить, что все перечисленные диалекты в эпоху, предшествовавшую доминированию греческого койне, были самостоятельными и вполне живыми.

В редких случаях один текст бывает повторен на двух диалектах, например, на ионийском и аттическом, как это представлено в надписи из Сигеи (Buck No 1; см. разбор надписи в Казанский 2001).

Совершенно иную ситуацию демонстрирует текст, разбору которого посвящена данная статья. Надпись относится уже к эпохе, когда сформировалось койне, ставшее единым языком на огромной территории, включавшей всю разделенную между диадохами империю Александра Македонского и даже отчасти греческие колонии на западе Средиземноморья.

В этих новых условиях использование местного диалекта приобретало совершенно иной смысл, поскольку в эллинистическую эпоху ситуация резко меняется: диалектные тексты создаются, но это происходит уже на фоне койне, распространенного от Греции до индо-греческих царств в северной Индии, а на западе Средиземноморья — в Риме и даже на Иберийском полуострове.

Приходится ставить вопрос, зачем греческие поэты в эпоху эллинизма ставили перед собой цель написать текст на диалекте, отстраняясь от всем доступного текста на койне. Единичные индивидуальные опыты такого рода могли быть исключительно успешными, как Идиллии Феокрита, могли не оказать влияния на культуру, как стихотворения Бальбиллы, в I в. н. э. в Египте пытавшейся писать в подражание Сапфо на эолийском диалекте.

Феокрит создает Идиллии, используя формы дорийского диалекта, и тем самым не просто противопоставляет свое творчество писавшим на койне, но использует диалект как характеристику языковой личности. В этом случае цель использования диалекта можно обозначить как цель гуманитарную — желание показать и полнее охарактеризовать персонаж, не просто дав ему слово, но позволив ему говорить на своем языке. В условиях эллинистического койне дорийский диалект выглядел архаизацией, как архаизацией выглядели и подражания гомеровскому эпосу. Использование диалекта в поэзии эллинистического времени можно объяснять, исходя из авторских интенций.

Совсем иная картина наблюдается, когда осуществляют перевод деловых писем царя Филиппа V с общераспространенного языка на фессалийский диалект, причем в эпоху, когда греческое эллинистическое койне уже полностью укоренилось на всей огромной территории. Полностью приведенный в надписи текст письма не удивляет, поскольку послания Филиппа V выполняют функцию регламентирующих документов, которым постановление народного собрания просто рабски следует в своих формулировках.

Ил. 1. Филипп V
(Carr 2006)

Разбираемый текст был составлен в окончательном виде ок. 214 г. до н. э. и относится к правлению Филиппа Македонского, который правил с 221 г. до н. э. К этому времени он провел успешную войну в союзе с ахейцами против этолийцев (217 г. до н.э.) и этим годом датируется и первое письмо Филиппа к жителям Ларисы. Известно далее, что в 215 г. до н. э. он заключил союз с Ганнибалом против римлян, но этолийцы помешали его активным действиям. Второе письмо Филиппа V датируется 214 г. до н. э. и относится ко времени II Пунической войны, но касается обустройства территории Македонии, в орбиту которой входили многие области и отдельные города. Интересно, что в своем втором письме Филипп в качестве положительного примера приводит политику Рима, против которого выступил совместно с Ганнибалом. В этом письме он сообщает, что отправляется в военный поход, и уже по возвращении выскажет свою волю. Судя по внесенным изменениям в уже вырезанный на камне список удостоенных гражданства, он так и поступил. Дальнейшая судьба Филиппа сложилась так: в 200 г. до н. э. римский сенат объявил ему войну, а в 197 г. до н. э. Т. Квинций Фламинин разбил войско Филиппа при Киноскефалах¹. Попытки Филиппа V расширить границы Македонии в направлении Фракии закончились неудачей. В 179 г. до н. э. он умер.

Фессалия не входила в состав Македонского царства, но находилась под его протекторатом². Для этого имелись свои культурные предпосылки, в частности, рассматривая греческие диалекты в ареальном аспекте, обычно отмечают близость фессалийского диалекта к особенностям, характеризующим родственной древнегреческому македонский язык.

Рассмотрим текст надписи (IG IX II 517; Buck 32) подробнее. Текст начинается с датировки по городским магистратам, которые в ряде областей Греции, включая Фессалию, носили название тагов: [ταγ]ευόντων Ἀναγκίπτοι Πετθαλείοι, Ἀριστονόοι Εὐνομείοι, Ἐπιγένης Ἰασονείοι, Εὐδίκο[ι] | [Ἄδα]μαντείοι, Ἀλεξία Κλεαρχείοι, γυμνασιαρχέντος Ἀλεῦα Δαμο-

¹ Из рассказа Авла Геллия (Aul. Gel. 18. 9. 3–11) мы знаем, что эта война была воспета Эннием: «itaque ab Ennio scriptum in his uersibus: insequē, Musa, manu Romanorum induperator quod quisque in bello gessit cum rege Philippo».

² Это отмечал Полибий (Polyb. IV 76): «По-видимому, фессалийцы жили в государстве, управляемом законами, и сильно разнились от македонян; на самом же деле никакой разницы не было: с фессалийцами обращались также, как и с македонянами, и они исполняли все приказания царских чиновников» (пер. Ф. Г. Мищенко; см.: Полибий 1994: I, 393).

σθενεῖοι· Φίλιπποι τοῖ βασιλεῖος ἐπιστολὰν ἀ[π]υστεύλλαντος πὸτ τὸς ταγὸς καὶ τὰν πόλιν τὰν ὑπογεγραμμέναν· «Когда тагами были Ананкипп сын Фессала, Аристоной сын Эвнома, Эпиген сын Ясона, Эвдик сын Адаманта, Алексей сын Клеарха, а гимносиархом Алев сын Демосфена. Когда царь Филипп прислал нижеприведенное письмо к тагам и к городу».

Текст письма, написанный на койне, в надписи приведен полностью:

βασιλεὺς Φίλιππος Λαρισαίων τοῖς ταγοῖς καὶ τῇ πόλει χαίρειν· Πετραῖος καὶ Ἀνάγκιππος καὶ Ἀριστόνους ὡς ἀπὸ τῆς πρεσβείας ἐγένοντο || ἐνεφάνιζόν μοι ὅτι καὶ ἡ ὑμετέρα πόλις διὰ τοὺς πολέμους προσδεῖται πλεόνων οἰκητῶν· ἔως ἂν οὖν καὶ ἐτέ|ρους ἐπινοήσωμεν ἀξίους τοῦ παρ' ὑμῖν πολιτεύματος, ἐπὶ τοῦ παρόντος κρίνω ψηφίσασθαι ὑμᾶς ὅπως τοῖς κατοικοῦσιν παρ' ὑμῖν Θεσσαλῶν ἢ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων δοθῆι πολιτεία. τοῦτου γὰρ συντελεσθέντος καὶ συνμεινάν|των πάντων διὰ τὰ φιλό|θρωπα πέπεισμα ἕτερά τε πο[λ]λὰ τῶν χρησίμων ἔσσεσθαι καὶ ἐμοὶ καὶ τῇ πόλει καὶ τὴν | χώραν μᾶλλον ἐξεργασθήσεσθαι. ἔτους β' Ὑπερβερεταίου κα'.

«Царь Филипп желает здравствовать тагам и городу Ларисийцев. Петрей, Ананкипп и Аристоной, когда прибыли от посольства, открыли мне, что и ваш город также³ вследствие войн нуждается в большем числе жителей. По поводу нынешнего положения дел я считаю, что пока мы не найдем достойных вашего гражданства, вам следует проголосовать, чтобы фессалийцы и другие эллины, которые проживают у вас, получили (ваше) гражданство. Когда это совершится и закрепится при общем согласии в соответствии с толерантностью⁴, я уверен, что это и многое другое будет полезно и мне и городу и больше земли будет обработано».

³ Очевидно, что для Филиппа Македонского Лариса — просто еще один город в северной Греции, который обезлюдел. Когда жители Ларисы включают слова Филиппа в постановление народного собрания, формулируя «и наш город нуждается», они констатируют общий экономический упадок в нескольких областях, вместо того, чтобы говорить о своем городе.

⁴ Субстантивированное τὰ φιλό|θρωπα, переданное в надписи с особенностями фессалийской фонетики как τὰ φιλό|θρουπα, совершенно точно не относится к диалектным словам, поскольку появляется только в греческих текстах III–II вв. до н. э., обозначая важное для эллинистического времени понятие. Толкование, которое дает словарь Лидделла, Скотта и Джонса (LSJ 1968: 1932) «concessions, grants, privileges, immunities», имеет терминологическое значение и включает в себя «искусство общественного мнения», «официальное предоставление», «согласие, основанное на компромиссе». Следует иметь в виду, что τὰ φιλό|θρουπα совмещает человеколюбие (заложенное прямо во внутренней форме слова) и толерантность как согласие, которое достигается уступками. Составители

Последнее указание трогательно по своей открытости и указывает, что именно волновало Филиппа на втором году царствования. Требовалось увеличить число граждан Ларисы, в первую очередь для того чтобы поднять сельское хозяйство в Македонии и сопредельных регионах.

В постановлении народного собрания в точности повторяются формулировки, взятые из письма Филиппа, только уже на фессалийском диалекте: там где в оригинальном тексте стояло τοῖς ταγοῖς καὶ τῆι πόλει «тагам и городу» появляется πὸτ τὸς ταγοῖς καὶ τὰν πόλιν «к тагам и городу». Переводился текст по кусочкам и исключительно точно: Πετραῖος καὶ Ἀνάγκιππος καὶ Ἀριστόνουσ ὡс ἀπὸ τῆс πρεσβείας ἐγένοντο. ἐνεφάνιζόν μοι ὅτι καὶ ἡ ὑμετέρα πόλιс διὰ τοὺс πολέμουс προσδεῖται πλεόνων οἰκητῶν: «Петрей, Ананкипп и Аристоной, когда прибыли от посольства, сообщили мне, что и ваш город вследствие войн испытывает нужду во многих гражданах». Этот текст с диалектными особенностями повторен почти дословно в постановлении: ὡс ἀπὸ τῆс πρεσβείας ἐγένοντο заменяется на οὗс ἀт τὰс πρειсβείας ἐγένονθο. Кроме того, при пересказе приходилось соотносить дейктические маркеры, меняя, например, местоимения: Филипп пишет «ваш город», «наш город» постановляет народное собрание: Πετραῖος καὶ Ἀνάγκιππος καὶ Ἀριστόνοοс, οὗс ἀт τὰс πρειсβείας ἐγένονθο, ἐνεφάνισσоеν αὐτοῦ, πὸк кί καὶ ἡ ἁμμέουν πόλιс διὲ τὸс πολέμοс ποτεδέετο πλειόνουν τοῦν κατοικεισῶντων: «Петрей, Ананкипп и Аристоной, когда прибыли от посольства, сообщили ему, что и наш город вследствие войн испытывает нужду во многих гражданах».

Текст письма переводится на диалект самым тщательным образом, так что фессалийский текст рабски следует тексту царя Филиппа, осуществляя перевод по большей части путем фонетических замен. Фраза Филиппа ἕωс ἂν οὖν καὶ ἕτερουс ἐπινοήσωμεν ἀξίουс τοῦ παρ' ὑμῖν πολιτεύματοс, ἐπὶ τοῦ παρόντοс κρίνω ψηφίσασθαι ὑμᾶс ὅπωс τοῖс κατοικοῦсιν παρ' ὑμῖν Θεσσαλῶн ἢ τῶн ἄλλων Ἑλλήνων δοθῆι πολιτεία «пока мы⁵ не найдем других достойных **вашего** гражданства, при ны-

надписи маскируют эллинистическое διὰ τὰ φίλανθροпа, придав ему с помощью фонетической замены вид исконного фессалийского выражения διὲ τὰ φίλανθροпа, хотя очевидно, что подобного понятия ни в каком отдельном диалекте быть не могло, а его появление обязано политике многонациональных эллинистических государств.

⁵ Отчетливый pluralis maiestatis при переводе превращается просто во множественное число и теряет смысл, поскольку вместо царского решения предполагается коллективное размышление.

нешнем положении дел **я считаю**, что **вам** следует проголосовать, чтобы фессалийцы и другие эллины, которые проживают у **вас**, получили (ваше) гражданство» превращается в μέστοδί κε οὖν καὶ ἑτέρος ἐπινοεῖσουμεν ἄξιός τοῖ πᾶρ ἄμμε πολιτεύματος, ἐτ τοῖ παρεόντος κρεννέμεν ψα[φ]ίξασθει[ν ἄ]μμε ο<ύ>ς κε τοῖς κατοικέντεσσι πᾶρ ἄμμε Πετθ[α]λοῦν καὶ τοῦν ἄλλοῦν Ἑλλάνοῦν δοθεῖ ἃ πολιτεία «пока **мы** не найдем других достойных **нашего** гражданства, при нынешнем положении дел **мы** считаем, что **нам** следует проголосовать, чтобы фессалийцы и другие эллины, которые проживают у **нас**, получили (наше) гражданство». Остается без изменений οὖν, меняется фонетика отдельных слов (и их написание), однако ἔως заменяется на μέστοδί, а частица ἄν — на частицу κε; употребляются фессалийские формы генитива: Ἀναγκίπλοι, Φιλίπλοι βασιλεῖος, ἄλυ- = ἄλο-.

Автор диалектного текста создает своё, фессалийское, меняя только фонетику, и не обращая внимания на то, что происходит существенная смысловая замена: фраза «До тех пор, пока мы не придумаем» в письме Филиппа относится к нему самому как царю, но при переводе в тексте постановления — уже к жителям Ларисы, которые Филиппа и попросили что-нибудь сделать, чтобы их город сохранился. Фраза из письма Филиппа переформулирована так, как если бы предполагалось, что придумывать будут сами Ларисийцы: μέστοδί κε οὖν καὶ ἑτέρος ἐπινοεῖσουμεν ἄξιός τοῖ πᾶρ ἄμμε πολιτεύματος. Буквальность перевода, как можно видеть, оказалась важнее точной передачи смысла.

Мы знаем, что к концу III в. до н. э. едва ли не каждый греческий город стремился наладить у себя правильную систему образования. В частности, на городскую службу принимались школьные учителя. В это время создаются специальные термины, редкие в литературных текстах⁶, но использовавшиеся глоссаторами⁷ при толковании и известные из надписей. Как можно думать, выработанная школа оказала свое влияние даже на далекой периферии в греко-индийских царствах⁸.

⁶ γραμματοδιδασκαλεῖον Plutarch. 2 71 2a и др.; γραμματοδιδάσκαλος SIG 578.8 (Teos), Teles p. 50 H., Philodem. *Academicorum Index* P. 24 M., Plutarch. *Alc.* 7, Porphyr. pl.3, BGU 1214.4 γραμμοδιδασκαλίδης Timo 51.

⁷ Только у Гезихия встречается два раза: γραμματιστής; γραμματοδιδάσκαλος и в объяснении кипрского слова διφθεραλοῖφός; γραμματοδιδάσκαλος παρὰ Κυπρίος. Очевидно, что слово, встречающееся в официальных надписях, было точным обозначением профессионального учителя.

⁸ К этому можно добавить среднеиндийский термин (haraх legomenon), засвидетельствованный в палийском тексте термин *lekhācaryo*, представляющий со-

Следует иметь в виду, что в условиях, когда по всей Греции в школе шло преподавание на койне, а обучение осуществлялось на литературных образцах, прежде всего — текстах Гомера, понятный всем текст, написанный на койне, переводится на диалект, известный только местным жителям. Замены в тексте производятся более или менее механически: *δίᾱ* превращается в *διέ*, *πρὸςδεῖται* отражено как *ποτέδεέτο* и т.д.

Осуществляется перевод на язык, который представляет собой если не особенность данного города, то особенность области. В любом случае ограничения, налагаемые на доступность текста для понимания из-за использования диалектных форм, не соответствовали замыслу царя привлечь в город переселенцев со всей Греции. Если идея Филиппа V заключалась в том, чтобы включить в состав граждан Ларисы жителей из других регионов Греции, то и текст должен был писаться на койне, чтобы стать понятным любому эллину. Филипп V в первом письме предлагал пополнить население города Ларисы как за счет фессалийцев из других областей, так и за счет «других эллинов» (*τῶν ἄλλων Ἑλλήνων* = *τοῦν ἄλλουν Ἑλλάνου*). Возможно, он имел в виду свои будущие военные походы. Переписав тексты местным диалектом, жители Ларисы сделали его непонятным «другим эллинам», что, возможно, и предполагали составители текста, поскольку по итогам постановления в списке переселенцев перечисляются почти только жители городов Фессалии, а из других областей Греции фактически нет никого.

Постановление народного собрания включает в себя указание, где и как оно должно быть опубликовано. В этой части, содержащей отсылку на традиционное размещение двух копий декрета — одной на акрополе, а другой в пределах храма Аполлона Кердойского, текст сформулирован в полном соответствии с местными традициями, вероятно, восходящими к глубокой архаике: *τὸ μὰ ψάφισμα τόνε κύρρον ἔμμεν κάλ παντὸς χρόνοι καὶ τὸς ταμίας ἐσδόμεν ὀγγράψειν αὐτὸ ἐν στάλλας λιθίας δύας καὶ τὰ ὀνύματα τοῦν πολιτογραφεῖθέντων καὶ καθέμεν τὰμ μὲν ἴαν ἐν τὸ ἱερὸν τοῖ Ἄπλουνος τοῖ Керδοίοι, τὰμ μὰ ἄλλαν ἐν τὰν ἀκρόπολι, καὶ τὰν ὀνάλαν, κίς κε γινύεεται ἐν τάνε, δόμεν.* «А этому постановлению быть действующим на все времена, а казначеи дадут записать это постановление (αὐτὸ), а также имена внесенных в списки граждан на двух каменных стелах и поставить одну в храм Аполлона Кердойского,

бой, по всей видимости, кальку древнегреческого слова (см. Казанский, Крюкова 2002).

а другую на акрополь и выдать расходные деньги, необходимые для этого». Как можно видеть город оплачивает все работы по изготовлению и установке двух копий текста.

Первое письмо царя Филиппа V и проведение народного собрания в Ларисе датируется 219 г. до н. э., временем до Второй пунической войны, но сама надпись явно была вырезана после 214 г. до н. э., поскольку содержит и второе письмо Филиппа, которое датируется этим годом. Этот текст на койне также приведен в оригинале, но сообщается, что оно пришло, когда тагами были уже другие лица: Аристоной сын Эвнома (вероятно, упомянутый как член посольства отправленного к Филиппу V), Эвдик сын Адаманта, Алексипп сын Гипполоха, Эпиген сын Ясона и Нумений сын Мнасия. Сменился и гимносиарх; теперь это Тимонид сын Тимонида.

Текст письма приводится, как и в первом случае, полностью: «Царь Филипп тагам и городу (желает) здравствовать. Я получил сведения (πυνθάνομαι), что (имена) записанных в граждане (πολιτογραφηθέντας), в соответствии с моим письмом и вашим решением внесенных в список (ἀναγραφέντας), на стеле были сбиты (ἐκκεκολάφθειν). И если это уже случилось, дали промах (ἤστοχῆκεσαν) советовавшие Вам (συμβουλευσαντες ὑμῖν) и в соответствии (сходится) (συμφέροντος) с (интересами) вашей родины и с моим суждением. То, что лучше всего иметь как можно больше (людей) достойных гражданства, что город будет усиливаться, а поля не будут как сейчас позорно пустыми, считаю, что раз никто из вас не возразил против этого, то следует рассмотреть (кандидатуры) и других, достойных быть записанными в гражданство. Среди них есть и римляне⁹, которые принимают в государство (πολίτευμα) жителей, если те являются свободными, и отводят (μεταδιδόντες) (им земли) из прежних (ἀρχαίων), и благодаря подобным методам не только увеличивают свое государство, но и вывели поблизости (σχεδόν) переселенцев в 70 мест. Сверх того еще призываю вас подойти

⁹ Характерно, что Филипп V упоминает римлян на четвертом году Второй пунической войны, когда сам он уже оказался союзником Ганнибала и вторгся в Иллирию, греческие города которой в 228 г. до н. э. перешли под покровительство Рима. Как явствует из списка имен в конце надписи, ни одного римлянина среди переселенцев в Ларисе не оказалось. Филиппу было важно сослаться на успехи римлян в расширении жизненного пространства. Фраза «вывели колонии в 70 мест» предполагает объединенный подсчет 28 римских и латинских колоний в Италии с выведенными в Сицилию, Сардинию и Корсику, которые в 227 г. до н. э. стали римскими провинциями.

к делу беспристрастно (букв. ‘без честолюбия’, но в данном контексте хочется видеть для ἀφιλοτίμως значение ‘непредвзято’), и тех, относительно кого граждане приняли решение (κεκριμένους), восстановить (ἀποκαταστήσαι) в гражданстве (πολιτεία), если же кто-то (из них) сделал что-то неправильно (ἀνεχεστόν τι πεπράχασιν) по отношению к царской власти или по отношению к городу, или если по какой-то другой причине они недостойны гражданства, пусть (их имена) остаются на стеле (μετέχειν τῆς στήλης), чтобы я мог принять о них решение, после того как я разберу дело (букв.: ‘выслушаю’), вернувшись из похода. Тем же, кто собирается их обвинять (κατηγορεῖν), скажите, чтобы это не выглядело так, что они делают это пристрастно (διὰ φιλοτιμίαν). В 7 год, Горпия¹⁰ в 13 день».

Город проголосовал и выполнил всё, рекомендованное Филиппом (стк. 40 сл.) относительно предоставления гражданства, и постановил поместить две стелы с именами новых граждан на акрополе города в храме Афины и в храме Аполлона.

Обратим внимание на эллинистический термин πολιτογραφέω ‘записывать в граждане’ и обозначение этого действия как πολιτογραφία (стк. 32). Во втором письме царь Филипп специально подчеркивает недопустимость самоуправства, когда имена записанных в гражданство в соответствии с его первым письмом были выбиты на стелах, но затем выскоблены (πυθάνομαι τοὺς πολιτογραφηθέντας κατὰ | τὴν παρ’ ἐμοῦ ἐπιστολὴν καὶ τὸ ψήφισμα τὸ ὑμέτερον καὶ ἀναγραφέντας εἰς τὰς στήλας ἐκκεκόλαφθαι). Для этого достаточно искусственного образования подбирается фессалийское фонетическое соответствие, а сам глагол представлен в надписи и в перфекте, и в пассивном аористе: οἱ πεπολιτογραφημένοι (стк. 46), τοὺς πολιτογραφηθέντους (стк. 26).

Этот terminus technicus, несомненно, заимствован из языка македонской бюрократии, в отличие от формы древнего фессалийского инфинитива ὀγγράφειν, согласно Баку (Buck 1955: 366) соответствующего инфинитиву аориста ἀναγράψαι (в данном контексте возможна, но менее вероятна интерпретация формы ὀγγράφειν как infinitivus futuri activi): τὸς ταμίᾳς ἐσδόμην ὀγγράφειν αὐτὸ ἐν στάλλας λιθίας δύοσ καὶ τὰ καὶ κατθέμεν | τὰμ μὲν ἴαν ἐν τὸ ἱερὸν τοῦ Ἄπλουνοσ τοῦ Κερδοῖοι, τὰμ μὰ ἄλλαν ἐν τὰν ἀκρόπολιν «чтобы казначеи выдали записать его (*scil.* по-

¹⁰ Македонский месяц горпией соответствовал афинскому таргелию, то есть маю-июню (см.: Бикерман 1975: 16).

становление) на двух каменных стелах и установить их — одну в святилище Аполлона Кердейского, а другую на акрополе».

Оба раза в тексте надписи за словами «Когда город проголосовал за решение, которое приводится ниже» текст Филиппа повторен почти дословно, только в переводе на фессалийский диалект. Как и в первом случае решение народного собрания должно быть помещено на двух каменных стелах — в храме Аполлона и на акрополе города в храме Афины.

Завершает надпись список тех, кто был включен в список граждан в соответствии с письмом Филиппа и по решению города. В этом списке обращает на себя внимание, что в начале стоит выходец из Самофракии, за ним следуют фессалийцы из Краннона и из Гиртона. Очевидно, что единственный не-фессалиец не случайно оказался помещен в начало текста с указанием «самофракийцы: Архипп сын Каллифонта». Все остальные переселенцы были фессалийцами. Список имен примерно в полторы сотни имеет только одну лакуну, оставшуюся на месте имени, явно изъятого из списков граждан с санкции Филиппа, то есть изъятое имя отражает деятельность царя Филиппа, согласившегося с мнением народного собрания об изъятии какого-то имени из списка лиц, уже получивших гражданство.

В чем смысл перевода, когда текст, в котором сказанное на всем понятном языке, знакомом со школьной скамьи, излагается повторно на очень своеобразном и несколько искусственном диалекте. Такой перевод, как минимум должен был затруднять понимание текста. Ответ, как кажется, относительно простой: Фессалия входила в область влияния Филиппа V Македонского, но при этом пыталась сохранить некоторую свою самостоятельность. С помощью перевода с литературного и вполне нормированного языка эллинистического койне осуществлялась как минимум демонстрация этой самостоятельности и независимости.

Диалект мог использоваться по традиции для оформления местных государственных документов, таких как постановления народного собрания. Подчеркнутое сохранение этих традиций имело не только политическое, но и чисто человеческое измерение. Жителям Фессалии важно было показать свою культурную независимость и свое желание нарочито противопоставить свой диалект общелитературному (в том числе и бюрократическому) общегреческому языку. Отметим также употребление просторечного *συγκλείς* (стк. 10), которое соответствует аттическому обозначению чрезвычайного собрания как *σύγκλητος ἐκκλησία*.

Насколько я знаю, разобранный текст уникален, в первую очередь потому что в переводе с эллинистического койне на диалект особой необходимости не могло быть. Можно обнаружить немало примеров перевода с диалекта на койне, поскольку в эллинистическое время нередко писали историю отдельных областей, городов и даже святилищ, причем авторы охотно цитировали тексты древних надписей, написанных на местном диалекте. Такие тексты требовали пояснения, и действительно в словарях, где были собраны античные глоссы, сохранились следы такой комментаторской работы. Перевод с общегреческого койне на диалект имел другие цели, нежели желание сделать текст понятным. Такой перевод был средством самоутверждения и противостояния в отношениях с Македонией, от которой ожидалась политическая и, вероятно, экономическая помощь. Второе письмо Филиппа V говорит о прямом непослушании жителей Ларисы его воле. Сперва они проголосовали так, как велел македонский царь, а затем выскоблили все имена принятых в гражданство, так что Филиппу V пришлось их одернуть. Характерно, что произошло это в год, когда упомянутый на первом месте член первого посольства стал эпонимным тагом Ларисы (не он¹¹ ли инициировал и само письмо?). Ясно, что в городе были партии, одна из которых стремилась увеличить население, следуя советам Филиппа V, а другая противодействовала этому (вероятно законными средствами, поскольку едва ли кто-нибудь мог решиться выскабливать текст в храме без особого постановления народного собрания).

Дошедшая до нас окончательная версия текста с двумя письмами в оригинале и с переведенными на местный диалект формулировками, которыми воспользовались для протокола народного собрания, свидетельствует о послушании жителей города воле Филиппа V и, одновременно, о заявке на независимость своих культурных традиций.

¹¹ В первом томе SEG была опубликована стихотворная эпитафия Ананкиппа, но не ясно, относится ли она к упоминаемому в разбираемой надписи:

ἐνθάδε Ἀνάγκιπλος κεῖται, Λάρισα δὲ πατρίς,
ἀσκήσας ἀρετὴν ἠδὲ δικαιοσύνην.

Здесь лежит Ананкипп; его родина — город Лариса.

Он справедливым был, в доблести он преуспел. (Пер. Н. К.)

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман 1975 — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. / пер. И. М. Стеблин-Каменского. Отв. ред. М. А. Дандамаев. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.
- Казанскене, Казанский 1986 — *Казанскене В. П., Казанский Н. Н.* Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Ленинград: Наука, 1986.
- Казанский 2001 — *Казанский Н. Н.* Между письменным и устным текстом: древнегреческое «наивное письмо» // Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 246–256.
- Казанский, Крючкова 2002 — *Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р.* Среднеиндийская калька древнегреческого термина? (др.-греч. $\gamma\rho\alpha\mu\alpha\tau\omicron\delta\iota\delta\alpha\sigma\kappa\alpha\lambda\omicron\varsigma$ — пали *lekhācāryo*) // *Colloquia classica et Indo-Germanica* III. СПб.: Наука, 2002. С. 407–418.
- Мелика 1988 — Древнегреческая мелика. / Сост. В. Н. Ярхо. М.: Книга, 1988.
- Полибий 1994 — Полибий. Всеобщая история. Т. I. / Отв. ред. А. Я. Тыжов. СПб.: Наука, Ювента, 1994.
- Тронский 1973 — *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: Наука, 1973.
- Buck 1955 — *Buck C. D.* The Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. Chicago: Chicago University Press, 1955.
- Carr 2006 — *Carr A.* Philip V of Macedonia [Электронная публикация: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Philip_V_of_Macedon.jpg, дата публикации 9.04.2004, дата обращения: 21.11.2021]
- Egetmeyer 2010 — *Egetmeyer M.* Le dialecte grec ancien de Chypre. Tome I–II. Berlin; u. a.: De Gruyter, 2010.
- Egetmeyer 1997–1998 — *Egetmeyer M.* “L’homme propose, Dieu dispose”. Remarque lexicale à propos d’une inscription chypriote syllabique (ICS² 264) // Centre d’études chypriotes. Cahier. 1997–1998. T. 27. P. 93–95.
- ICS — *Masson O.* *Les inscriptions chypriotes syllabiques.* Recueil critique et commenté. Paris: E. de Boccard, 1961.
- IG — *Inscriptiones Graecae consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae editae.* Berolini: G. Reimer, 1873–.
- LSJ — *Greek-English Lexicon* by Henry George Liddell, Robert Scott, Henry Stuart Jones, Roderick McKenzie. Oxford: OUP, 1968. (9th Edition with a Revised Supplement.)

PMG — *Poetae melici Graeci*. / Ed. D. Page. Oxford: OUP, 1962.

SEG — *Supplementum epigraphicum Graecum* Vol. I. ed. H W Pleket; R S Stroud. Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1923.

Nikolai N. Kazansky (Saint Petersburg)

A TRANSLATION FROM THE HELLENISTIC BUREAUCRATIC KOINÉ
INTO GREEK DIALECT

ABSTRACT: Greek inscription IG IX II 517 quotes two letters from Philipp V of Macedonia dating 217 and 214 BC addressed to the Thessalian city Larissa and then loosely rephrases them in Thessalian, explaining the council's decision. The Thessalian text in many respects is a form of translation from the koiné into the dialect. In view of the importance of Macedonian influence on Thessaly at this time, this kind of "translation" reads as a political demonstration of independency.

KEYWORDS: translation as political act in Antiquity, translation from the koiné into Thessalian dialect, Greek Inscription IG IX II 517.

NOTE ON THE AUTHOR: Nikolai N. Kazansky, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St.Petersburg State University; Russian State University for the Humanities. E-mail: nickkazansky@gmail.com.

РЕЗЮМЕ: В статье рассматривается текст надписи IG IX II 517, содержащей два письма Филиппа V Македонского (217 и 214 г. до н. э.) к жителям города Лариса в Фессалии и тексты постановлений народного собрания, которые повторяют на фессалийском диалекте присланные царем тексты, написанные на эллинистическом койне. Высказывается предположение, что в условиях, когда койне уже распространилось по всем эллинизированным областям, перевод на местный диалект служил политической демонстрацией независимости.

Ключевые слова: перевод как осуществление политики, перевод с литературного языка (койне) на фессалийский диалект древнегреческого языка, анализ текста надписи IG IX II 517.

Об авторе: Николай Николаевич Казанский, академик РАН, научный руководитель Института лингвистических исследований РАН, профессор СПбГУ, главный научный сотрудник РГГУ. E-mail: nickkazansky@gmail.com.

ДИКУССИЯ ПОСЛЕ ДОКЛАДА Н. Н. КАЗАНСКОГО

Ирина Александровна Седакова: Спасибо большое, Николай Николаевич. Какая удивительно актуальная тема: соотнесение диалекта и литературного языка, особенно в письменной фиксации. Ну и это как своего рода шутка, боюсь, что, с учетом Ваших последних выводов, скоро нам придется перейти всем на диалект, чтобы спастись от «компетенции» и прочих бюрократических слэнговых слов, с которыми мы, к сожалению, имеем дело бесконечно.

Александр Юрьевич Русаков: Скажите, пожалуйста, какое место в плане контекста занимает такая надпись (в плане, естественно, языковом) среди, во-первых, фессалийских надписей, ну и вообще греческих. То есть насколько это уникальная вещь. Судя по Вашим словам, довольно уникальная, да?

Николай Николаевич Казанский: Да. Обычно все-таки в других местах и в других случаях текст не переписывали так старательно, да еще с языка, который должен был быть всем понятен, с тем, чтобы потом его перевести на понятный очень немногим диалект. Поэтому, по моим представлениям, это вполне редкая вещь. Как правило, если в надписи цитировали какой-нибудь текст на койне, то и сама надпись тоже писалась на койне. То есть не было вот такого резкого противопоставления, какое наблюдается в разобранным тексте. А здесь явно нарочитое противопоставление: мы вот такие и говорим по-фессалийски, а царь Филипп нам пишет на койне. Да, мы послушные, в знак послушания демонстрируем и рабское следование тексту Филиппа, но решение (которое полностью соответствует воле и букве требований Филиппа) мы напишем так, чтобы продемонстрировать, что мы особые и совершенно самостоятельные; даже диалект у нас особый, не всякому доступный.